

А.Б. ЕЛАЦКОВ

Санкт-Петербургский государственный университет,
199178, Санкт-Петербург, 10-я линия Васильевского острова, 33/35, Россия, elatskov@mail.ru

ОБОБЩЕННЫЕ ТИПЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Рассматривается деятельностно-геопроостранственный подход как один из наиболее эффективных междисциплинарных подходов в геополитических исследованиях. Он позволяет изучать политические явления с точки зрения геопроостранственной организации и самоорганизации общества, в том числе геополитической. Ключевой здесь представляется категория «геополитическое отношение». Она выражает единство политической деятельности и географического пространства, а также элементарный объект исследования. В более широком контексте геополитика рассматривается как политический тип геоадаптации общества. С этих позиций предложено выделять идеализированные типы геополитических моделей: естественно-географический, общественно-географический, деятельностный и хроногеополитический. Показана обобщенная логика их построения. Естественно-географический тип описывает принудительную детерминацию характеристик геополитического актора природными явлениями, а также создаваемое ими адаптационное давление. Общественно-географический тип отражает влияние общественно-географического пространства (экономического, цивилизационного, этнического и т. д.) на характеристики геополитического актора. Модели деятельностного ряда характеризуют процесс взаимодействия между любыми географическими факторами и деятельностью конкретных геополитических акторов, а также результаты этого взаимодействия — пространственные формы политических явлений. При применении таких моделей к нескольким акторам одновременно наблюдается их наложение и выделение общих геополитических регионов. Приведены графические схемы обобщенных геополитических моделей.

Ключевые слова: геополитика, политическая география, геополитическая модель, геополитические отношения, политическая геоадаптация, географический фактор.

A.B. ELATSKOV

St. Petersburg State University,
199178, St. Petersburg, Desyataya liniya Vasilyevskogo ostrova, 33/35, Russia, elatskov@mail.ru

GENERALIZED TYPES OF GEOPOLITICAL MODELS

The activity-geospatial approach as one of the most powerful interdisciplinary approaches in geopolitical research is considered. It provides a means of studying political phenomena in terms of the geospatial organization and self-organization of society, including its geopolitical organization. The key to this lies with the “geopolitical relation” category. It implies a unity of political activity and geographical space as well as an elementary subject for study. In the broader context, geopolitics is regarded as the political type of geo-adaptation of society. From this perspective, it is suggested that the following idealized types of geopolitical models be identified, namely: natural-geographical, socio-geographical, activity-related, and chronogeopolitical. A generalized logic of their construction is shown. The natural-geographical type describes a coercive determination of the characteristics of the geopolitical actor caused by natural phenomena as well as geo-adaptational pressure produced by them. The socio-geographical type reflects the influence of socio-geographical space (economic, civilizational, ethnic, etc.) on the characteristics of the geopolitical actor. Activity-related models characterize the interaction process between any geographical factors and the activity of particular geopolitical actors as well as results of such an interaction, i. e. the spatial forms of political phenomena. If such models are applied to several actors, they will overlap and identify common geopolitical regions. Graphical schemes of generalized geopolitical models are presented.

Keywords: geopolitics, political geography, geopolitical model, geopolitical relations, political geo-adaptation, geographical factor.

ВВЕДЕНИЕ

В 2019 г. исполняется 120 лет с тех пор, как шведский географ и государствовед Р. Челлен ввел в употребление термин «геополитика», что ознаменовало становление нового исследовательского на-

правления, «вызревавшего» весь XIX в. [1]. За прошедшее время различными авторами описано множество геополитических процессов, предложены десятки, если не сотни, частных геополитических моделей, созданных в рамках различных научных школ. Накоплен огромный эмпирический материал, однако до сих пор его осмысление крайне эклектично. Нет согласия даже в определении предмета геополитики как научной дисциплины.

С подобными трудностями столкнулась и смежная с геополитикой, но более академичная научная дисциплина — политическая география. И хотя в понимании ее предмета и методов достигнут определенный консенсус, задача создания единого теоретического базиса остается нерешенной. В последние десятилетия попытки теоретизации политической географии и геополитики предпринимались неоднократно. Мы хотим обратить внимание на деятельностно-геопространственную концепцию, разрабатываемую Н.В. Калединым и его последователями [2, 3]. На наш взгляд, она является более абстрактной и более обобщенной по сравнению с иными подходами, которые понимаются как частные случаи. Расширенный же деятельностно-геопространственный подход позволяет предложить теоретическую интерпретацию общественной географии и даже географии в целом [4].

ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Самоорганизация общества и его ключевых подсистем (экономической, политической и т. д.) в условиях географического пространства формирует процесс геопространственной самоорганизации общества и его результаты — геопространственные процессы, системы, структуры разного масштаба, включая и политическую карту мира. Географическое пространство понимается как единство множества планетарных геосфер — от воздушной и ландшафтной до экономической и ментальной [2, 5]. Они представляют собой специфические географические подпространства. Предельно абстрактным выражением единства и взаимосвязи жизнедеятельности общества и геопространства выступает категория общественного деятельностно-геопространственного отношения. Геопространственная самоорганизация общества вместе с различными формами таких отношений (геоэкономическими, геополитическими и т. д.) является предметом общественной географии и ее различных отраслей [4]. При этом само понятие «отношение» следует также рассматривать как родовое для понятий связи и взаимодействия [5].

Надо отметить, что и другие авторы, развивая альтернативные представления о сущности (общественной) географии, приходят к аналогичным выводам. Так, Ю.Н. Гладкий видит главным объектом географии корреляционные отношения между явлениями разной природы в условиях географического пространства [6]. Мы бы назвали такие отношения геокорреляционными. На наш взгляд, речь в конечном итоге идет о том же самом абстрактном объекте, что и в деятельностно-геопространственной концепции, только под иным ракурсом и с иной степенью абстракции. Более того, как отмечают некоторые зарубежные авторы [7], мировая общественная география также совершает «реляционный поворот» и в тематике, и в методологии.

Одна из отраслей общественной географии — география политическая, изучающая политическую самоорганизацию общества, или самоорганизацию общества в политическом геопространстве. В этом контексте понятие «геополитическое отношение» (ГПО) является абстрактно-общим выражением единства политической деятельности и геопространства. Поэтому «какими бы словами и терминами в разное время ученые ни объясняли политико-географические явления и аспекты действительности, но объективно именно геополитические отношения... оказывались в центре внимания всех исторических парадигм — типов политико-географического знания...» [2, с. 84]. В большинстве случаев деятельностно-геопространственное и геополитические отношения могут рассматриваться и как геоадаптационные отношения, т. е. как выразители процесса взаимoadaptации общества и геопространства [4, 5].

Кроме политической самоорганизации общества в целом, наукой исследуются реальные и потенциальные геополитические отношения между геопространством и деятельностью отдельных политических акторов (прежде всего государств), а также целенаправленная организация этих отношений. Именно этим вопросам посвящена другая научная дисциплина — геополитика. Разные ученые-географы склоняются к аналогичному подходу. Так, Ю.П. Михайлов под объектом геополитики понимает «межгосударственные политические отношения, рассматриваемые в их территориальной форме» [8, с. 6]. В этом определении в качестве объекта проглядывают геополитические отношения, хотя и ограниченные излишними условиями, потому что в геополитике взаимодействуют не только государства, и геополитическое значение имеют не только собственно политические, но и иные отношения.

Совокупность ГПО представляет собой геополитическое пространство. Участок геопространства, участвующий в ГПО с отдельным субъектом, можно именовать его геополитическим полем (по аналогии с географическим полем объекта [9]). Вместе с тем с точки зрения геоадаптационного подхода геополитический процесс рассматривается как политический тип взаимоадаптации акторов и геопространства на разных пространственных уровнях организации общества [5]. Геополитика в таком случае понимается как политический тип геоадаптации общества. Фактор же адаптационного давления среды, называемый в общей адаптационной теории стрессором, применительно к данному контексту воспринимается нами в качестве геострессора, как положительного, так и отрицательного, как активного, так и пассивного [5].

Для познания и описания многообразного и изменчивого геополитического пространства создано множество частных моделей. При этом исследуются системы ГПО, которые можно типологизировать и отнести к тем или иным абстрактным идеальным типам разного уровня (группам моделей). Группы идеализированных моделей можно разделить на три класса по приоритету рассматриваемой стороны в ГПО — геопространственной или деятельности-политической, а также по их общей динамике. Назовем эти группы, соответственно, моделями географического, деятельностного и хронополитического рядов [5].

МОДЕЛИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РЯДА

Данные модели восходят к концепциям географического детерминизма, известным еще с древности, например к идее влияния климатических поясов на международные отношения. Описывая геополитические явления, такие модели имеют в своей основе не интересы и ГПО конкретных акторов, а малоизменчивую, но постоянно влияющую на политику географическую среду, прежде всего физико-географическую. Это как бы взгляд на ГПО с его геопространственной стороны, независимо от наличия конкретного актора. Таким образом, выделяются две группы географических факторов — естественно-географические и общественно-географические — и, соответственно, два типа идеализированных моделей.

Так, Х. Маккиндер взял за основу географическую модель, выделив постоянную «ось истории» (позже — Хартленд) по границам речных бассейнов и с учетом удаленности от моря [10]. Эта «ось» наделялась политическими свойствами, а ее жители — специфической политической культурой, только благодаря особому географическому положению региона. Однако далее у Х. Маккиндера мы видим Британскую империю, вписывающуюся в эту географическую модель своими интересами, — концепция переходит на «второй этаж» — в группу моделей деятельностного ряда. К моделям естественно-географического типа можно отнести и концепцию Л.Н. Гумилева о трансконтинентальных линиях пассионарных толчков, стимулирующих этногенез в определенных местах независимо от желания политических акторов [11]. Зональная же, т. е. климатическая, концепция с середины XX в. получила новую жизнь. В частности, отмечается, что страны с умеренным климатом обладают заведомыми экономическими преимуществами перед странами с тропическим климатом [12]. В России бурную дискуссию вызвала книга А.П. Паршева о тормозящей роли северного климата для России [13]. Из современных примеров упомянем гипотезу о том, что всплеск восстаний «арабской весны» 2010–2013 гг. обусловлен климатической флуктуацией в регионе [14]. Нельзя не упомянуть здесь и современные модели геологического/геофизического детерминизма, хотя они и менее распространены [15].

При обобщении геополитических моделей естественно-географического типа выделяются два пути их построения (рис. 1, а). Во-первых, описывается природная детерминация характеристик любых геополитических акторов, находящихся на определенной территории. Так, пассионарный толчок предположительно приводит к изменению стереотипов поведения в сообществах. Во-вторых, может рассматриваться действие положительных и отрицательных геострессоров. Это проявляется, например, при описании «выталкивающей» мигрантов геополитической роли засухи. Здесь вспоминается концепция Б.Б. Родмана о давлении места [16]. Модели обеих ветвей в итоге оценивают воздействие описанных факторов в качестве условий для геополитической динамики/геоадаптации на определенной территории, но не саму динамику/геоадаптацию, связанную уже с конкретными акторами и их интересами.

Несколько иначе обстоит дело при исследовании общественно-географических подпространств (см. рис. 1, б). Абстрагирование может происходить при оценке таких явлений, которые мало зависят от изменчивых политических систем. Это может быть социальный субстрат с инвариантом границ —

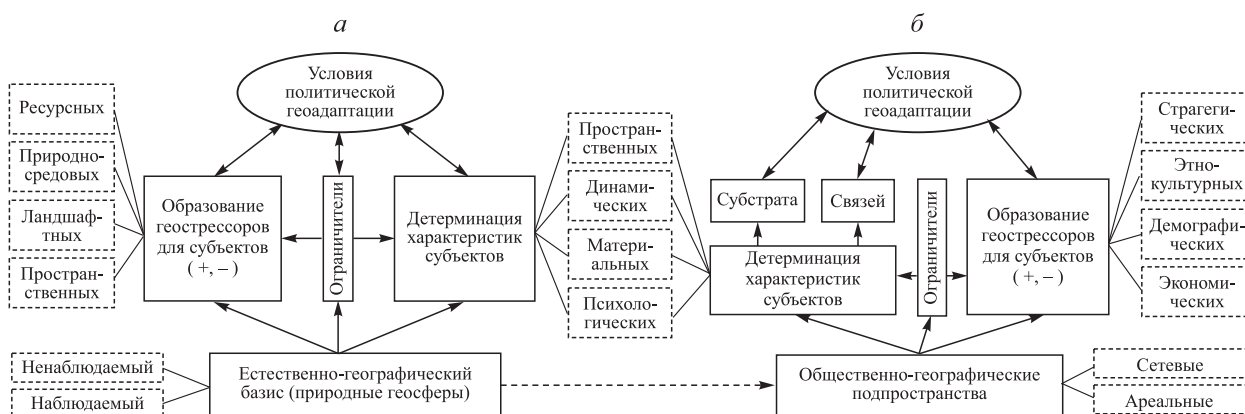

Рис. 1. Обобщенная логическая структура моделей географического ряда.
 Типы: а — естественно-географический, б — общественно-географический.

этническая карта, система расселения, экономические районы (ядро–полупериферия–периферия), сеть магистралей, цивилизации и т. д. В.Л. Цымбурский предложил выделять относительно стабильные «этноцивилизационные платформы» и промежуточные «лимитрофы» между ними [17]. Ю.Н. Гладкий отмечает, что понятия «культура» и «цивилизация» с давних пор употребляются в одном ряду с такими понятиями, как «климатические рубежи», «пути циклонов», «тундра» и т. п. [6]. И действительно, геополитический актор оказывается произвольно привязан к географическому фактору — той или иной цивилизации, тому или иному геоэкономическому региону. Интерес представляют и модели, статистически доказывающие значение топологических отношений. Так, Л.Ф. Ричардсон показал, что в истории (1820–1945 гг.) количество внешних войн коррелирует с числом соседствующих стран и, соответственно, с топологическим количеством границ [18]. Огромную роль играет демографический субстрат. Предполагается, например, что повышенная доля молодежи приводит к росту вероятности разрыва военных альянсов [19]. Сам демографический градиент может стимулировать геополитическую напряженность [20]. Многие авторы пытаются объединить разные показатели в сводный геополитический индекс мощи стран. На Западе широко известен индекс CINC. А.И. Трейвиш же предлагает индикатор величины страны по средней доле трех географических показателей [21].

Обобщая модели общественно-географического типа, можно, как и для естественно-географического, отметить два пути их логического построения (см. рис. 1, б). Однако здесь рассматривается не только детерминация характеристик собственно актора, но и навязываемые ему внешние связи, например место в сети глобальных городов.

МОДЕЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО РЯДА

В этих моделях описываются отдельные или включенные в географическую структуру геополитические поля конкретных акторов. Внимание обычно концентрируется на ключевых пространствах. Распространенной разновидностью моделей этого типа стала серия концепций больших пространств. В этом ключе можно оценивать и модель растущего органического государства, по Ф. Ратцелю, или типологию геополитических пространств, по В.П. Семенову-Тян-Шанскому (кольцеобразная, клочкообразная, чрезматериковая) [22]. Широко известна модель геополитических полей К.В. Плешакова, который выделяет эндемическое, пограничное, перекрестное, тотальное, опорное и метаполе [23].

Однако если первый, локальный уровень подобного моделирования — рассмотрение геополитических полей и их границ, то второй — конструирование идеализированной структуры геополитического пространства (решетчатая, широтно-меридиональная, центрo-периферическая, поясная и т. д.). Для описания геополитического положения стран востребованной стала группа секторно-концентрических (радиально-кольцевых) моделей, выражаемых как вербально, так и графически [24].

При обобщении подобных моделей надо выделить основные пути их логического построения (рис. 2, а). Со стороны геополитического актора заметно различие между моделями пассивной оценки (позиционирования) и активного, нормативного проектирования (стратегирования). Со стороны же геопространства оцениваются реакции актора на вызовы геострессоров и роль пространственной

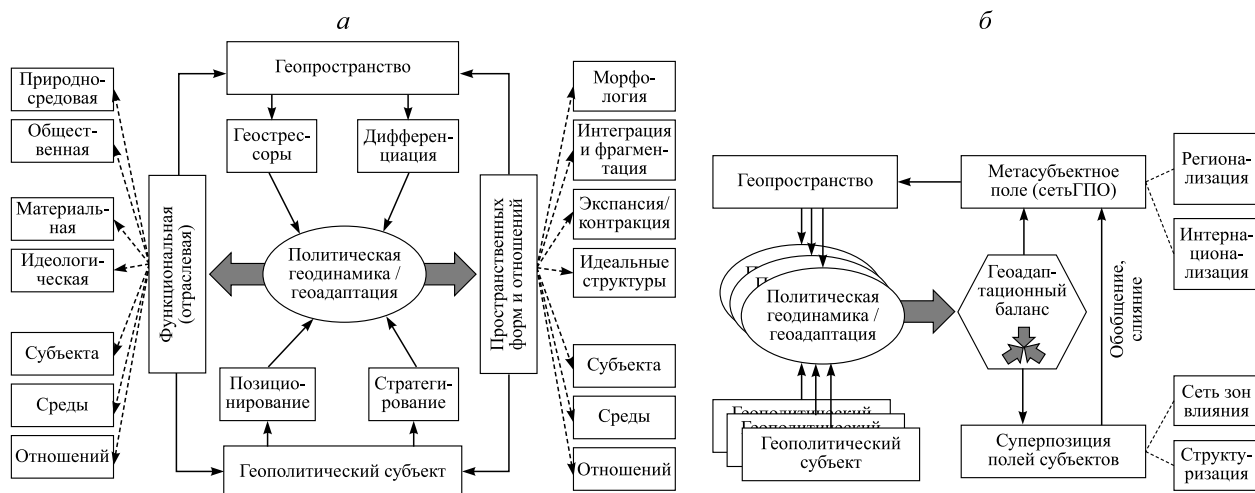

Рис. 2. Обобщенная логическая структура моделей деятельностного ряда.

Уровни: а — локальный (частный), б — суперпозиционный и метасубъектный.

дифференциации среды (прежде всего соотношения суши и вод). В конечном итоге модели описывают влияние указанных факторов на геополитическую динамику/геоадаптацию. Результатом взаимодействия субъектных и геопространственных факторов выступают, с одной стороны, функциональная («отраслевая») политическая геоадаптация, а с другой — складывающиеся пространственные формы геополитических полей.

Применение же указанной частной модели одновременно к нескольким действующим субъектам в регионе приводит сначала к переформатированию модели в полиструктурную (суперпозиционную), а затем — в сетевую, где описывается сеть общих геополитических регионов при абстрагировании от конкретных акторов (см. рис. 2, б). Имеет место «метасубъектный» подход с поиском устойчивых геополитических регионов. Такую модель, по сути, использует С. Коэн, когда предлагает сетку геополитических регионов с выделением в них «территорий-ворот» [25]. В отличие от моделей географического ряда, данные регионы выделяются в основном по политической структуре мира, а не по неподвижным естественно-географическим объектам. В этом же ключе можно рассматривать и концепцию международных режимов.

Отдельный тип моделей — деятельностно-функциональные. Они характеризуются тем, что абстрагируются от географического пространства как такового. Акторы сводятся к безразмерным точкам в функциональном пространстве. В случае графического представления (а оно в данном контексте применяется редко) типично изображение подобных моделей в виде графов и кругов Эйлера. В частности, пользуются известностью модели геополитических треугольников Л. Диттмера [26] и «земляного ореха» А. Страуса [27]. Особенностью подобных моделей является слабо выраженный географический или территориальный компонент. Однако это не выводит их за пределы геополитического анализа, хотя они и составляют специфический тип.

Также мы выделяем самостоятельный хроногеополитический ряд моделей. Среди них можно описать аналитический (в том числе диахронический и синхронический), стадийный (в том числе транзитный, этапный и «оконный») и циклический (в том числе ритмический и жизненного цикла) типы [5]. Однако здесь мы их подробно рассматривать не будем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы предлагаем рассматривать множество разноплановых и на первый взгляд несовместимых геополитических моделей с точки зрения общего геоадаптационного подхода, что позволяет проводить их систематизацию и выявлять их общий генезис. В наиболее общем виде мы выделяем три класса моделей — географический, деятельностный и хронополитический. И хотя еще остается немало дискуссионных вопросов, это открывает путь для интеграции пока еще весьма разобщенного геополитического знания, для понимания его системной целостности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Kjellén R.** Studier öfver Sveriges politiska gränser // Ymer (Zeitschrift der Schwedischen Gesellschaft für Anthropologie und Geographie). — Stockholm, 1899. — S. 283–331.
2. **Каледин Н.В.** Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. — СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1996. — 164 с.
3. **Елсуков М.Ю.** Геополитическая мысль: эволюция, современные направления, географическая интерпретация: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. — СПб., 2001. — 20 с.
4. **Каледин Н.В.** Географическая научная картина мира: деятельностно-геопространственный контекст // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 7. Геология, география. — 2003. — Вып. 1. — С. 111–117.
5. **Елацков А.Б.** Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. — М.: Инфра-М, 2017. — 251 с.
6. **Гладкий Ю.Н.** Гуманитарная география: научная экспликация. — СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2010. — 664 с.
7. **Yeung H.W.C.** Rethinking relational economic geography // Transactions of the Institute of British Geographers, New Series. — 2005. — Vol. 30, N 1. — P. 37–51.
8. **Михайлов Ю.П.** Геополитика в географическом освещении и ее приложение к решению социально-экономических проблем Азиатской России // География и природ. ресурсы. — 2002. — № 3. — С. 5–10.
9. **Алаев Э.Б.** Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. — М.: Мысль, 1983. — 350 с.
10. **Mackinder H.J.** The Geographical Pivot of History // The Geographical Journ. — 1904. — Vol. 23, N 4. — P. 421–437.
11. **Гумилев Л.Н.** Этногенез и биосфера Земли. — Л.: Гидрометеоиздат, 1990. — 528 с.
12. **Landes D.S.** The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor. — New York: W.W. Norton & Co, 1998. — 650 p.
13. **Паршев А.П.** Почему Россия не Америка. — М.: Крымский мост-9Д; Форум, 2000. — 411 с.
14. **The Arab Spring and Climate Change / Ed. C.E. Werrell, F. Femia.** — Washington: The Center for Climate and Security, 2013. — 68 p.
15. **Фёдоров А.Е.** Влияние геологических факторов на историю человечества // Пространство и время. — 2010. — № 2. — С. 152–163.
16. **Родман Б.Б.** Позиционный принцип и давление места // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. — 1979. — Вып. 4. — С. 14–20.
17. **Цымбурский В.Л.** Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. — М.: РОССПЭН, 2007. — 544 с.
18. **Richardson L.F.** The Statistics of Deadly Quarrels. — Pittsburgh: Boxwood Press, 1960. — 373 p.
19. **Kim T., Sciubba J.D.** The effect of age structure on the abrogation of military alliances // International Interactions. — 2015. — Vol. 41, N 2. — P. 279–308.
20. **Голубчиков Ю.Н., Тихунов В.С.** Гуманитарно-географические следствия дестабилизаций демографических градиентов и констант // Региональные исследования. — 2012. — № 3. — С. 44–52.
21. **Трейвиш А.И.** Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. — М.: Новый хронограф, 2009. — 372 с.
22. **Семенов-Тянь-Шанский В.П.** О могущественном территориальном владении применительно к России: Очерк по политической географии. — Птг, 1915. — 35 с.
23. **Плешаков К.** Геополитика в свете глобальных перемен // Международная жизнь. — 1994. — № 10. — С. 32–34.
24. **Мироненко Н.С., Фомичев П.Ю.** Геополитическое положение современной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. — 1996. — № 4. — С. 3–10.
25. **Cohen S.B.** Geopolitics: the Geography of International Relations. 2nd ed. — Lanham: Rowman & Littlefield, 2009. — 465 p.
26. **Dittmer L.** The strategic triangle: an elementary game-theoretical analysis // World Politics. — 1981. — Vol. 33, N 4 (July). — P. 485–515.
27. **Страус А.Л.** Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Полис. — 1997. — № 2. — С. 27–44.

Поступила в редакцию 05.07.2018

После доработки 14.09.2018

Принята к публикации 02.04.2019